

Историческая диалектология и предмет ее изучения

Следует полагать, что предметом изучения исторической диалектики как самостоятельного раздела исторического цикла языкознания является изучение племенных диалектов того или иного языка во взаимодействии с соответствующими сопредельными диалектами иных языков в процессе всего исторического периода их развития. Применительно к белорусскому языку это касается восточнославянских племенных диалектов, функционировавших на территории этнической Беларуси во взаимодействии с соответствующими диалектами балтских языков, к которым относится современные литовский, латышский и мертвый прусский язык. Находящиеся в центре славянского ареала белорусские племенные диалекты не только сохранили некоторые присущие им черты, но и способствовали распространению их на сопредельных территориях иных языков.

На уровне фонетики это касается прежде всего возникновения и распространения акания как неразличения гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах и совпадения их в одном звуке в белорусском и русском языках. Некоторые исследователи не без основания связывают происхождение его с эпохой балтославянского языкового единства. Оно рассматривается как субстратное отражение влияния побежденных балтийских языков в победившей славянской языковой стихии. Отчасти этому способствовало общеславянское койне, которое функционировало как упрощенный язык общения между носителями сопредельных балтийских и славянских племенных диалектов. Есть основание полагать, что аканье развилось в племенных говорах витебских, полоцких и смоленских кривичей в результате взаимодействия их с племенными балтийскими говорами на сопредельных территориях. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся значительные по величине ареала дисемилативного и недисемилативного акания на территории Беларуси, развитие что было также обусловлено развитием праславянского вокализма в связи с денализацией носовых гласных [e], [a] (IX век), падением редуцированных [ь]. [ъ] (XI век) и другими явлениями, связанными с упрощением фонетической системы.

Обусловленное колонизацией активное распространение аканья в направлении Москвы и далее до Волги не могло начаться раньше разгрома Святославом Игоревичем Хазарского каганата и войны с волжско-камскими болгарами (965-966 гг.) В дальнейшем указанные диалекты, трансформировавшись в средневеликорусские территориальные, легли в основу русского литературного языка старшей поры, который до эпохи Петра I назывался современниками московским или московитянским.

Русским назывался преимущественно письменно-литературный язык Великого княжества Литовского, что зафиксировано в Литовском статуте 1588 г. Льва Сапеги.

На уровне морфологии к образованиям, восходящим к праславянским диалектам, следует отнести некоторые формы будущего времени глаголов несовершенного вида, а именно будущее сложное I (*futurum primum*), сложившуюся на территории Черной Руси (современная северо-западная Гроденщина) и сопредельных ляхитских говорах. Подтверждением тому является функционирование на указанной территории будущего сложного II (*futurum exactum*) с вспомогательным буду и бывшем причастием на -л, закрепившемся в польском языке, под влиянием которого оно употреблялось в различных по жанру памятниках старобелорусской письменности. Впервые эта форма зафиксирована в датированном 912 г. Договоре князя Олега с греками (кому будешь писать со значением кому он напишет).

В письменных первоисточниках форма буду и инфинитив трижды отмечена в Вислицком статуте 1347 г. и жалованных грамотах Александра Кариатовича Смотрицкому доминиканскому монастырю (1375 г.) и Александра-Витовта литовским евреям (1388 г.), а в белорусских памятниках XV ст. она отмечается довольно широко. Памятниками старославянской и древнерусской письменности она не известна. Первый случай употребления ее в деловой русской письменности зафиксирован лишь в Псковской грамоте 1588 г. Случаи фиксации ее украинскими первоисточниками относятся к началу XVI ст. Отчасти это объясняется традиционностью письма.

Кроме того, в говорах Мозырского и Пинского Полесья и сопредельных украинских говорах для выражения значения будущего времени глаголов несовершенного вида искони господствующей была синтетическая форма, в составе которой изменяющийся по лицам и числам вспомогательный глагол имети в постпозиции присоединялся к инфинитиву. Как унаследованная от племенных говоров древлян она известна украинскому языку, а в белорусском в основном заменилась формой буду и инфинитив и изредка используется ныне преимущественно как средство индивидуализации речи персонажей, выходцев из Полесья.

Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторым словообразовательным морфемам, например суффиксу – ter в немецком языке, было присуще значение показателя лексико-семантической подсистемы наименования родственников по крови (Vater, Mutter, Bruder, Schwester, Tochter).

Унаследованный от праславянского праязыка суффикс *ent в качестве показателя лексико-семантической подсистемы наименований детёнышей

домашних животных и человека уже в старославянском языке в форме именительного падежа единственного числа в связи с тенденцией к открытости слога утратил конечный согласный [t], но сохранил своё исконное значение.

Отмеченной выше тенденцией обусловлена монофтонгизация окончания еп с заменой его носовым гласным [е], обозначаемым в кириллице буквой (юс малый). Кроме того, трансформация структуры существительного *gerbent объясняется палатализацией задненёбного [ч] с заменой его шипящим [ж] перед монофтонгическим [ъ] и развитием неполногласия ер южнославянской рефлексации, а также полногласия ере в древнерусском языке. В результате аканья оно заменилось на ара, в белорусском жарабя. Аналогичным изменениям подверглось и существительное *porsent, в белорусском парася. У существительного *agnent (ягня) появился протектический [j (йот)], а трансформация структуры существительного *telent (цяля) объясняется цеканьем.

Таким образом, суффикс *ent в белорусском языке в результате сокращения основ в пользу окончаний утратился.

Параллельно с отмеченными преобладающими вариантами на юго-западе Брестской области отмечаются формы родительного падежа (тэлята//тэлета, парасята//парасета, ягнята//ягнета), творительного (целятам, парасятам, ягням) и предложного падежей единственного числа (аб тэлятаві, парасятаві, ягнятаві и др.). Наличие как и в исходных вариантах согласного [t] объясняется тенденцией к открытости слога при выравнивании парадигмы склонения перед гласными окончаний. Преобладание и твердость начального согласного [t], скорее всего, объясняется межслоговой регрессивной ассимиляцией.

Не исключено, что отмеченные особенности, как и ряд других, восходят к племенным говорам дулебов (согласно Повести временных лет предшественников бужан и волынян). Изогласы картографируемых языковых особенностей или замыкаются на указанной белорусской территории или выходят за пределы её продолжаясь на территории Польши и Украины.

В говорах северо-восточной диалектической зоны трансформация структуры рассматриваемых наименований после утраты конечного суффиксального [t] в связи с тенденцией к открытости слога протекала за счет добавления суффикса –онокъ-. В связи с последующей заменой [е] под ударением после мягкого перед твердым согласным, аканьем, цеканьем и появлением протетического [j (йот)] в современном белорусском языке закрепились варианты аслёнак, жарабёнак, казлёнак, парасёнак, ягнёнак.

Западная граница отмеченных новообразований, распространенных также на сопредельной территории России, определяется течением реки Березины от истоков на севере до впадения в Днепр и далее до границы с Украиной.

Известные старобелорусскому языку как зафиксированные различными первоисточниками известны и другие варианты рассматриваемых наименований. Прежде всего это касается их старославянских соответствий. Ведь белорусских извод старославянского языка в Беларуси использовался не только для отправления православного вероисповедания, но и как язык образования, науки, культуры и литературы.

Однако зафиксированные в «Слоўніку мовы Скарыны» старославянизмы и их белорусские соответствия рассматриваются с учетом словообразования, но, к сожалению, без определения их лексического значения: агнец (агнич) 'ягня', жеребии (жереби) 'жараб', козелец, козля паменьш. да козел, козлице павел. да козел, овця паменьш. да овца, осля паменьш. да осел, теля как детеныш коровы и верблудицы (Т. 1. Мінск, 1977; Т. 2. Мінск, 1984).

Такой нестандартный для переводных словарей подход к определению лексического значения рассматриваемых наименований, скорее всего, объясняется стремлением составителя избежать ошибок при интерпретации цитат из трудных для понимания религиозных текстов.

В опубликованных выпусках Гістарычнага слоўніка беларускай мовы (Т. 1-32, Мінск, 1982-2011) картотеке его различные фонетические и словообразовательные варианты рассматриваются с учетом определения лексического значения и времени фиксации их в разных по жанру памятников письменности: агнець 'ягня', жеребей, жеребя 'жарибя', козелець, козелокъ, козельчикъ, козенья, козля, козлице, 'казланя', овца, овця, 'ягня', осля 'асляня', 'порося' парася', цяля, теля, теленка, теленка 'цяля', теличка, 'цялушка', ягнята, ягнятко, ягне 'ягня'. Более распространенными из них являются наименования детенышей козы как образованные от апеллятивов коза – козенья и козел – козленья. При этом в словарной статье козлице наз. козленья (ГСБМ, вып. 15, - 182) для иллюстрации отмеченного значения ошибочно приводится цитата, закрепившаяся в качестве фразеологизма, с формой родительного падежа единственного числа от существительного козлиць в значении коз. В этой связи следовало дать отдельную статью Козлиць наз. Коза и привести для иллюстрации отмеченную цитату.

Вышепроведенный анализ фактического материала лишь подтверждает общеизвестное положение о том, что все уровни языковой системы развиваются и функционируют во времени и пространстве. При этом

трансформация ее зависит от ряда внутриязыковых и экстралингвистических факторов, влияние которых в разных языках проявляется по-разному. В этой связи, чтобы достичь наиболее ощутимых результатов с учетом их новизны, объективности и системы, ее категорий и форм следует практиковать в синхронно- диахроническом сравнительно-сопоставительном плане распространения и функционирования их на определенной и сопредельных территориях взаимодействующих языков. В этом отношении, как показано выше, потенциальные возможности белорусского языка выявлены и изучены далеко не достаточно, а некоторые концепции, как, например, распространение аканья являются ошибочными и подлежат пересмотру.

В таком плане исследовании необходимо активизировать несмотря на то, что в условиях двуязычия функционирование белорусского языка постепенно ухудшается. Как язык титульной нации, он неуклонно заменяется русским языком, получившим мировое признание. Невостребованность белорусского языка прежде всего объясняется тем, что для владеющих двумя близкими языками достаточно одного более совершенного. Именно поэтому русский язык как второй государственный преобладает у нас во всех сферах жизни общества. На бытовом уровне не только в сельской местности преобладает так называемая белорусско-русская «трасянка», получившая в дореволюционное время наименование «западнорусское наречие».